

14. *Финшер К.* История новой философии. Т. 8: Гегель: Пер. с нем. М.; Л., 1933.
15. *Axelos C.* Die ontologischen Grundlagen der Freiheitstheorie von Leibniz. В.; N.Y., 1973.
16. *Bloch E.* Subjekt – Objekt: Erläuterungen zu Hegel. В., 1952.
17. *Broad C.D.* Leibniz's predicate-in-notion principle and some of its alleged consequences // Leibniz: A collection of critical essays / Ed. H. Frankfurt. N.Y.; Garden City, 1972. P. 1–18.
18. *Brody B.* Leibniz's metaphysical logic // Essays on the philosophy of Leibniz / Ed. M. Kulstad. Houston, 1997. P. 43–55. (Rice Univ. Studies; Vol. 63, N 4).
19. *Couturat L.* Sur la Metaphysique de Leibniz // Leibniz: A collection of critical essays / Ed. H. Frankfurt. N.Y., Garden City, 1972. P. 19–45.
20. *Holz H.H.* Leibniz. Stuttgart, 1958.
21. *Koenig E.* Über den Substanzbegriff bei Locke und Hume. Leipzig, 1881.
22. *Lenders W.* Die analytische Begriffs- und Urteilstheorie von G.W. Leibniz und Chr. Wolff. Hildesheim; N.Y., 1971.
23. *Russell B.* A critical exposition of the philosophy of Leibniz. 2nd ed. L., 1937.

ОБ ОДНОЙ ЛЮБОПЫТНОЙ ОПЕЧАТКЕ В “ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА” ГЕГЕЛЯ

В.И. Коротких

В этой заметке речь пойдет о том месте Введения к “Феноменологии духа” Гегеля, в котором говорится о специфике метода этого произведения. Гегель обращает внимание читателей на то, что в феноменологическом опыте новый предмет выступает не как случайно найденный сознанием и независимый от его прежней деятельности, а возникает благодаря “обращению” сознания к самому себе. Приведем здесь интересное нас высказывание: “Только сама эта необходимость или возникновение нового предмета, который предстает перед сознанием, не знающим, как это происходит, есть то, что совершается для нас как бы за спиной сознания. Благодаря этому в движение сознания входит момент в-себе-бытия или для-нас-бытия, не проявляющийся для сознания, которое охвачено самим опытом; содержание же того, что перед нами возникает, имеется для сознания, *и мы имеем понятие только о формальной стороне его или о его чистом возникновении*; для сознания это возникшее есть только в качестве предмета, для нас – вместе с тем и в качестве движения и становления” (курсив мой. – В.К.)¹.

Что значит “мы имеем понятие только о формальной стороне его или о его чистом возникновении”, почему “только о формальной стороне”? Может быть, имеет место ошибка в переводе?

¹ *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа // Соч. М., 1959. Т. IV. С. 49–50.

В первом издании “Феноменологии духа”, а также в осуществленных под редакцией Й. Шульце втором (1832 г.) и третьем (1841 г.) изданиях, воспроизводящих в этом месте текст первого издания, читаем: “und wir begreifen nur das Formelle desselben oder sein reines Entstehen”². Если не задумываться пока над тем, как здесь следует перевести “begreifen” и “das Formelle”, то следует сказать, что Г.Г. Шпет, выполнивший перевод с первого издания³, передает смысл гегелевского текста правильно.

Вместе с тем Г.Г. Шпет упоминает, что “вспомогательным материалом” для него в процессе перевода служили издания Георга Лассона 1907 и 1921 г. с имеющимися в них “разночтениями” с первыми тремя изданиями (имеются в виду приложения “Zur Feststellung des Textes”). Но как раз у Лассона в рассматриваемом нами месте появляется любопытная конъектура, на которую Г.Г. Шпет никак не отреагировал – он и не принял ее, и не оставил разъяснения, почему ее принять нельзя. (Возможно, впрочем, что оценка этой конъектуры Лассона, если она у Шпета все же имелась, не попала в состоявшееся лишь в 1959 г. издание по воле редакторов.) Г. Лассон предлагает читать здесь вместо “wir begreifen nur” “wir nur begreifen”⁴: “und wir nur begreifen das Formelle desselben oder sein reines Entstehen”⁵.

Как оценить эту конъектуру Лассона? Мне думается, что если первоначальный вариант текста был просто непонятен (почему, собственно, “мы имеем понятие только о формальной стороне” возникновения в ходе феноменологического опыта нового предмета?), то в редакции Лассона на смену непонятности приходит неопределенность; теперь, располагаясь в середине предложения (между подлежащим и сказуемым), “nur”, “только”, в зависимости от интонации может восприниматься и как выделение особого, разумно-понятийного, способа восприятия предмета (“мы только понимаем”; по-видимому, Г.Г. Шпет не смог бы все же перевести “begreifen” как “имеем понятие”, если бы принял поправку Лассона), и как указание на единственный субъект (“мы”), которому доступно понимание (“мы только понимаем”), и, по-прежнему, как ограничение предме-

² System der Wissenschaft von G.W.F. Hegel... Erster Theil, die Phänomenologie des Geistes. Bamberg. Würzburg: bey Joseph Anton Goebhardt, 1807. S. 20; “das formelle”, стоящее в первом издании и молчаливо исправленное во всех последующих, способно, кажется, еще раз подтвердить впечатление о первом издании как тексте, в котором могли быть допущены самые простые опечатки.

³ См.: Шпет Г.Г. От переводчика // Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. IV. С. XLVI.

⁴ Hegel G.W.F. Samtliche Werke. Bd. II: Phänomenologie des Geistes / Hrsg. v. G. Lasson. Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1921. S. 530.

⁵ Ibid. S. 62. Свидетельством того, что принятое однажды решение исправить гегелевский текст не было для Лассона случайным, является воспроизведение этой конъектуры и в издании 1928 г. – См.: Hegel G.W.F. Samtliche Werke. Bd. III. S. 74.

та, который подлежит пониманию) (“мы *только* понимаем *формальную сторону его...*”). Однако в первом случае оставалось бы непонятным, чему противопоставляется разумное понимание, “постижение” предмета (“*das Begreifen*”), во втором случае требуется специальное разъяснение, что такое “мы”, и от какого субъекта деятельности его следует в феноменологическом опыте отличать (я как раз и намерен дать ниже такое разъяснение), а в третьем случае конъектура Лассона просто ничего не меняла бы в смысле высказывания, оказывалась бы бессмысленной.

Как можно объяснить возникновение этой ситуации? Думаю, Лассон осознавал, что первоначальный вариант текста не поддается истолкованию, но в то же время не мог он и ясно восстановить смысл этого высказывания. Кроме того, понятно, что всякая конъектура должна быть обоснована. Если читателю не представлено надежного обоснования, он вправе игнорировать редакторские поправки.

Так случилось и с конъектурой Лассона. Насколько я могу судить, она не воспроизводилась в изданиях других редакторов. (Единственное известное мне исключение представляет собой первый русский перевод “Феноменологии” под редакцией Э.Л. Радлова, к рассмотрению которого мы обратимся ниже.) Во всяком случае, в непосредственно последовавших за изданиями Георга Лассона изданиях Германа Глокнера⁶ и Иоханнеса Хофмайстера⁷ воспроизводится текст первого издания, тот же текст сохранен и в доступных нам более поздних изданиях “Феноменологии”⁸ без изменений воспроизводится этот фрагмент в переводе Г.Г. Шпета и в отягощенном “научным аппаратом” русском издании 2000 г.⁹

Перейдем теперь к самому главному – восстановлению смысла высказывания, взятого в его полном контексте, ведь только так оно вообще и может быть понято. А “полным контекстом” окажется в данном случае не абзац текста (хотя и он говорит уже о многом), и даже не весь фрагмент (Введение), а все произведение философа в целом. Именно, речь здесь идет о предмете гегелевской феноменологии и его движении, “Опыте”, а значит, для понимания всякого относящегося к этому вопросу высказывания следует ясно представлять себе структуру “Феноменологии духа”.

⁶ *Hegel G.W.F.* Sämtliche Werke. Jubiläumsausgabe in zwanzig Bd. Bd. II: Phänomenologie des Geistes. Stuttgart, 1932. S. 80.

⁷ *Hegel G.W.F.* Sämtliche Werke. Kritische Ausgabe. Bd. II: Phänomenologie des Geistes. Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1949. S. 74.

⁸ *Hegel G.W.F.* Werke in zwanzig Bänden. Bd. 3: Phänomenologie des Geistes. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1970. S. 80; *Hegel G.W.F.* Gesammelte Werke // Verbindung mit der Deutschen Forschungsgemeinschaft herausgegeben von der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 9: Phänomenologie des Geistes / Hrsg. v. W. Bonsiepen, R. Heede. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1980. 61.

⁹ См.: *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 53.

Читателю, прошедшему вслед за автором всю “Феноменологию” и охватившему феноменологическое движение единым взором, открывается, что ее предметом является взаимодействие трех “действующих лиц” единой структуры феноменологической предметности – взаимодействие “нашего сознания” (сознания автора и читателя), “самого сознания” (понятия сознания, сознания, непосредственно подлежащего рассмотрению в “Феноменологии”) и “предмета”, предметности “самого сознания”. Поскольку “наше сознание” созерцает “само сознание”, а оно – “предмет”, то указанная последовательность “действующих лиц” оказывается в “Феноменологии” и последовательностью “уровней” феноменологической предметности. Движение структурного усложнения сознания, начинаясь с “нашего сознания”. Распространяется на “наш” предмет, “само сознание”, а затем – и на “его” предмет, и завершается открытием *духа* как единой структуры “бесконечности”, которая, пройдя все ступени феноменологического опыта, осознает свою субстанциальную природу.

Сказанного о предмете “Феноменологии” достаточно для того, чтобы обратить внимание на единственное значимое для нас сейчас обстоятельство; “мы”; “наше сознание”, имея возможность “извне” созерцать “само сознание” и его движение (т.е. занимая более удобное, чем у “самого сознания”, место в структуре феноменологической предметности), оказываемся способными созерцать не только содержание феноменологического опыта, сами возникающие образы предметности, но и его *форму, закономерности* возникновения последовательности образов сознания, чего, повторим, в каждом из шагов своего движения не видит “само сознание”; хотя реально именно “само сознание” непосредственно “порождает” предметность, но первоначально она выступает для него именно как “предмет”, случайно найденное в-себе-бытие; эта иллюзия преодолевается “самим сознанием”, когда предмет “снимается” в познании, но одновременно с этим выступает и новое в-себе-бытие, и так до самого финала “Феноменологии”, когда все ее “действующие лица” и “уровни” сливаются в той вбирающей в себя весь путь точке, которую Гегель называет “абсолютным знанием”.

Именно на невидимую для “самого сознания”, но доступную “нам”, “нашему сознанию”, закономерность выступления образов сознания и предметности в процессе феноменологического опыта и указывает Гегель в рассматриваемом у нас фрагменте высказывания: “*der Inhalt dessen, was uns entsteht*”, имеется и для “самого сознания”, но только “мы”, “наше сознание” оказываемся увидеть кроме этого и “*das Formelle desselben oder sein reines Entstehen*”. Совершенно ясно поэтому, что “*nur*”, “только”, указывает на “наше сознание” как единственный субъект восприятия закономерности возникновения ряда образов предметности в феноменологическом опыте и поэтому *должно стоять перед “wir”*: und nur wir begreifen das Formelle

desselben oder sein reines Entstehen. Вследствие досадной опечатки или опечатки “nur” “перепрыгнуло” через два слова, что сделало простое высказывание Гегеля недоступным пониманию.

Вернемся теперь к конъектуре Г. Лассона. Может быть, и он стремился сказать своей конъектурой именно то, что мы говорим в этой заметке? Отвергать принципиальную допустимость этого предположения нельзя; выше, в числе возможных истолкований поправки Лассона, мы упомянули и ту, что совпадает с нашим собственным прочтением фрагмента. И все же, почему Лассон не поставил в таком случае “nur” прямо перед “wir”, что исключило бы всякую неопределенность? Почему он не обосновал свою конъектуру (повторю, что мне не удалось найти ничего, что могло бы рассматриваться в качестве такого обоснования)? И наконец, а вправду ли *интонация* немецкой речи допускает подобное разнообразие сферы действия того ограничения, которое налагается нашим “только”? Вспомним теперь о первом переводе “Феноменологии духа” на русский язык, выполненном Е.Д. Аменицкой, Н.П. Аникеевой, З.А. Ефимовской, К.М. Милорадович и Н.П. Муретовой под редакцией Э.Л. Радлова как раз с издания Г. Лассона 1907 г. Разбираемый фрагмент передается в нем так: “И мы только п о н и м а е м формальную сторону этого бытия для нас или его чистое возникновение”¹⁰. Разрядка в слове “понимаем” безоговорочно связывает “только” именно с этим словом. Кажется, что и у нас сегодня не больше оснований приписывать Лассону *желаемую* мысль, чем у наших соотечественников столетие назад.

Думается, нам удалось избавить гегелевский текст от очевидной опечатки, вернув ему первоначальный смысл. И теперь следует постараться найти адекватные средства родного языка, способные передать мысль философа. Ключевое слово фрагмента “das Formelle” первые русские переводчики передали выражением “формальная сторона”; Г.Г. Шпет заимствовал у них это выражение, посчитав, по-видимому, его оптимальным; “das Formelle” противопоставляется Гегелем “содержанию” и прямо соотносится с “необходимостью” процесса возникновения предметности, или “чистым возникновением” (т.е. возникновением, свободным от определенного и случайного содержания). Не думаю, однако, что “формальная сторона” фиксирует этот смысл точнее, чем просто “форма”; полагаю, что к такому выводу должна была бы подталкивать и оставшаяся у Гегеля незаконченной субстантивация “formell”, если бы мы сочли возможным увидеть в этом месте нечто большее, чем просто опечатку, к чему, очевидно, склонялись все издатели, начиная с Й. Шульце. Далее, простое “понимаем” первого русского перевода, по моему мнению, удачнее, чем “имеем понятие” Г.Г. Шпета. Думается, однако, что его можно было бы уточнить как “нам доступно понимание”,

¹⁰ Гегель Г.В. Феноменология духа / Пер. под ред. Э.Л. Радлова. СПб., 1913.

ведь “понимаем” “мы” вследствие того, что занимаем более “удобное” место в структуре предмета “Феноменологии”. И наконец, стоящее в начале высказывания “und” с учетом всего контекста фрагмента можно передать и как “но”. *Но только нам доступно понимание его формы или чистого возникновения*, – такой в русском переводе должна представить та строка “Феноменологии”, ради понимания которой я решил предложить эти замечания.

В ОТВЕТ НА РЕПЛИКУ В.И. КОРОТКИХ

Н.В. Мотрошилова

Я глубоко убеждена, что история философии как самостоятельная и специфическая дисциплина немыслима без пристального внимания к философским текстам – тем более текстам великих или выдающихся философов, к их переводу и интерпретации. А такое специализированное профессиональное издание, как “Историко-философский ежегодник”, где переводы произведений философов на русский язык и сама проблема переводов принадлежат к центральным блокам работы, вполне может позволить себе такую “роскошь”, как обсуждение или исправление переводов даже и небольших фрагментов сочинений классиков мировой мысли.

В принципе необходимость современной оценки и корректировки переводов на русский язык главных произведений Гегеля давно назрела. Но выполнять ее сколько-нибудь масштабно (скажем, так, как мы сегодня сверяем и корректируем переводы в двуязычном немецко-русском издании основных сочинений И. Канта) пока не представляется возможным из-за отсутствия средств, специально подготовленных специалистов и т.д. Это не в последнюю очередь связано с тем, что некоторый подъем отечественного гегелеведения в 70–80-х годах и его включение в мировую гегелеведческую мысль, не нашли продолжения в трудные 90-е годы XX в., что не удивительно: сегодня исследование философии Гегеля – огромный философский материк; для освоения текстов философа на уровне современных требований (т.е. на языке оригинала) и поистине безбрежной литературы вопроса нужны десятилетия жизни и постоянное общение с гегелеведческим сообществом. К сожалению, у нас в стране давно уже не встречаются молодые философы, готовые к подвижнической гегелеведческой работе. Если бы такие исследования были повседневным делом хотя бы и узкой группы специалистов (а многочисленной в России она не может быть по определению), то уточнение переводов отдельных небольших фрагментов текстов, скорее всего, производилось бы в ходе исследований более крупно-